

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2026, Том 14, № 3 / 2026, Vol. 14, Iss. 3 <https://mir-nauki.com/issue-3-2026.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN326.pdf>

DOI: 10.15862/25PSMN326 (<https://doi.org/10.15862/25PSMN326>)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Карпов, Д. В. Психологическое обеспечение развития профессионально важных качеств специалиста по работе с молодёжью: аналитический обзор отечественных и зарубежных подходов / Д. В. Карпов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2026. — Т. 14. — № 3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN326.pdf>. DOI: 10.15862/25PSMN326.

For citation:

Karpov D.V. Psychological support for the development of professionally important qualities of a youth work specialist: an analytical review of Russian and international approaches. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2026;14(3): 25PSMN326. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN326.pdf>. DOI: 10.15862/25PSMN326. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9.075

Карпов Денис Валерьевич

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия
Аспирант, старший преподаватель кафедры «Дизайна и народных ремесел»

E-mail: k-denis1998@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2955-5387>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1117680

Психологическое обеспечение развития профессионально важных качеств специалиста по работе с молодёжью: аналитический обзор отечественных и зарубежных подходов

Аннотация. В статье рассматриваются основные модели профессионализма, сложившиеся в отечественной и зарубежной психологии труда, а также соотношение конструкторов «профессионально важные качества», «компетенции» и «компетентность», остающееся источником терминологической неопределённости. Проведён анализ нормативных моделей профессии, закреплённых в российском профессиональном стандарте и в зарубежных рамках компетенций, и показано, что между ними существуют принципиальные расхождения в понимании сущности деятельности специалиста и места в ней психологических качеств. Проведён также анализ психологических особенностей современной молодёжи как фактора, детерминирующего требования к специалисту, и психологических условий формирования профессионально важных качеств. Выявлены устойчивые противоречия в литературе: преобладание нормативного подхода над доказательным, дефицит исследований инструментальной роли психологических качеств в продуктивности деятельности, недостаточный учёт поколенческой специфики молодёжи и почти полное отсутствие соответствующих эмпирических работ в российском контексте. Выявлены также перспективные направления, связанные с переходом от априорного перечисления качеств к проверке их связей с демонстрируемыми компетенциями. Сделан вывод о необходимости трёхуровневой рамочной модели профессионализма и доказательного изучения психологических условий развития профессионально важных качеств специалиста по работе с молодёжью.

Ключевые слова: профессионально важные качества; психология труда; специалист по работе с молодёжью; профессионализм; компетентностный подход; психологические условия; профессиональная социализация; молодёжь; профессиональный стандарт; доказательный подход

Введение

Профессионализация различных видов социально ориентированной деятельности относится к числу устойчивых тенденций развития современных обществ. Если в доиндустриальную эпоху большинство видов занятости не предполагали длительной специальной подготовки, то в постиндустриальном обществе абсолютное большинство видов труда приобретает профессиональный характер, сопровождаемый формированием особой области знаний, групповых норм и стандартов оценки [1]. Работа с молодёжью является одной из тех областей, где этот процесс протекает наиболее интенсивно и одновременно противоречиво: профессия молода, её нормативные модели подвижны, а объект деятельности — молодые люди — сам по себе представляет быстро меняющуюся социально-возрастную группу.

Актуальность обращения к психологическому обеспечению развития профессионально важных качеств специалиста по работе с молодёжью определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, численность и социальная значимость молодёжной когорты делают потребность в компетентных специалистах практически универсальной для любого развитого общества. Во-вторых, психологический облик современной молодёжи претерпевает заметные изменения, связанные с цифровизацией, ростом психологической уязвимости и социокультурной гетерогенностью, что предъявляет к специалисту качественно новые требования. В-третьих, нормативная институционализация профессии в России протекает преимущественно «сверху», в логике государственного управления, тогда как психологическое содержание профессии — те качества, которые реально опосредуют успешность деятельности, — остаётся слабо отрефлексированным.

Степень разработанности темы неоднородна. Общая теория профессионализма и профессионально важных качеств в отечественной психологии труда имеет солидную традицию, восходящую к работам о субъекте труда, профессиональном становлении и системогенезе деятельности [1; 2].

В зарубежной литературе активно развиваются компетентностные и холистические модели профессиональной компетентности [3; 4]. Вместе с тем применительно к специалисту по работе с молодёжью корпус исследований остаётся фрагментарным, преимущественно нормативным и почти не опирающимся на доказательные данные о связи психологических качеств с продуктивностью деятельности.

Научная проблема состоит в рассогласовании между нормативно декларируемыми требованиями к специалисту по работе с молодёжью и отсутствием обоснованного знания о том, какие психологические качества и при каких условиях действительно обеспечивают его профессиональную успешность в работе с современным поколением молодых людей. Исследовательский дефицит проявляется в том, что существующие публикации, как правило, либо априорно перечисляют желательные качества, либо описывают их распределение в выборках, но не отвечают на вопрос об их инструментальной роли.

Цель статьи — на основе аналитического обобщения отечественной и зарубежной литературы реконструировать состояние знаний о психологическом обеспечении развития профессионально важных качеств специалиста по работе с молодёжью, выявить противоречия и исследовательские дефициты и сформулировать авторскую аналитическую позицию.

Задачи:

- проанализировать подходы к пониманию профессионализма; раскрыть соотношение профессионально важных качеств, компетенций и компетентности;
- охарактеризовать психологические особенности современной молодёжи как детерминанту требований к специалисту;
- провести сравнительный анализ нормативных моделей профессии;
- обобщить данные о психологических условиях формирования профессионально важных качеств;
- систематизировать противоречия и обозначить перспективные направления.

Подходы к пониманию профессионализма

Профессионализм традиционно ассоциируется не просто с принадлежностью к роду занятий, а с демонстрацией соответствия наиболее высоким стандартам деятельности. Однако содержание этих стандартов и источники их определения трактуются по-разному в зависимости от дисциплинарной традиции — функциональной, организационной, педагогической, макросоциальной или индивидуальной. Социальная природа профессий приводит к тому, что критерии профессионализма вырабатываются внутри профессиональных сообществ и потому культурно и исторически вариативны: одна и та же профессия в разных странах может иметь несовпадающие приоритеты [5]. Это объясняет, почему многие модели профессионального развития предлагались в узкопрофильных изданиях, а не в рамках единой кодификации.

Несмотря на это разнообразие, в современной литературе сформировался широкий консенсус: профессионализм не сводится к набору «технических» знаний и навыков, необходимых для непосредственного выполнения трудовой функции, а включает более широкий спектр индивидуально- и социально-психологических характеристик. Стадиальные модели приобретения мастерства описывают переход от следования формальным правилам к интуитивному, контекстуализированному решению задач, а на высших уровнях — способность критически переосмысливать само содержание профессии. Трёхкомпонентные модели, разработанные на материале подготовки в «помогающих» профессиях, относят к ядру профессионализма теоретические знания, практические навыки и профессиональную идентичность, причём именно идентичность и связанная с ней этика интегрируют первые два компонента и связывают их с общественным благом. Многоуровневые модели, опирающиеся на опыт эрготерапии и сходных сфер, отводят собственно специальным знаниям лишь ограниченное место, выдвигая на первый план профессиональное поведение и ответственность [6].

Отдельную линию образуют попытки построить универсальную, не привязанную к отрасли модель профессионализма за счёт факторно-аналитического обобщения существующих измерительных средств. Подобные модели выделяют такие компоненты, как личные стандарты, инициативность, отзывчивость, профессиональная идентичность и ориентация на разнообразие. Их достоинство — сопоставимость между профессиями; их уязвимость — намеренное исключение специальных знаний, что не позволяет оценить относительную значимость функционального ядра. Здесь уместно критическое замечание: универсальные «мягкие» качества лишены профессионального смысла, если работник не выполняет специальные трудовые функции на должном уровне. Таким образом, в литературе одновременно сосуществуют тенденция к расширению понятия профессионализма и риск его «размывания» до общеличностных характеристик.

Профессионально важные качества и компетентностный подход

Компетентностные подходы, восходящие к критике Д. Макклелландом прогностической ценности тестов интеллекта, заняли доминирующее положение и в профессиональном образовании, и в практике управления человеческими ресурсами [7]. Исторически оформились две трактовки: британская (компетенции как наблюдаемое поведение и результаты) и американская (компетенции как индивидуальная характеристика), что породило терминологическое противопоставление «компетенций» и «компетентности» [8]. Развитие парадигмы сопровождалось последовательным расширением содержания конструкта: первоначально относившееся к личным качествам эффективного взаимодействия со средой, оно постепенно вобрало в себя и умения, и индивидуальные диспозиции — адаптивность, настойчивость, самооценку. Холистическая модель профессиональной компетентности объединяет метакомпетенции, когнитивные, функциональные, личностно-поведенческие и ценностно-этические компоненты, взаимодействие которых определяет макро- и микрорезультаты деятельности [9].

Именно здесь обнаруживается ключевая концептуальная трудность, неоднократно отмечаемая в литературе: понятие компетенции оказывается избыточно широким, поглощая одновременно осваиваемые умения, индивидуально-психологические качества и фактические результаты деятельности [10]. Это размывает границу между тем, чему обучают, тем, что человек привносит как субъект, и тем, что наблюдается на выходе. В отечественной традиции данная проблема обсуждается как вопрос о соотношении способностей, профессионально важных качеств, компетенций и компетентности, причём авторы фиксируют существенные концептуально-терминологические расхождения [2; 11]. Линия научной дискуссии проходит, таким образом, не по вопросу о важности психологических качеств как таковой, а по вопросу об их месте в структуре профессионализма и о критериях, по которым качество может быть признано именно *профессионально* важным.

Для упорядочивания этого поля в настоящем обзоре представляется продуктивной трёхуровневая рамочная модель, в которой различаются: функциональное ядро (специальные знания, умения и базовые сенсомоторно-когнитивные способности); профессионально важные качества как индивидуально-психологические свойства, опосредующие применение функционального потенциала на практике; и компетенции как наблюдаемое и оцениваемое внешними субъектами проявление этого применения при решении реальных задач.

Содержательное наполнение каждого уровня может определяться нормативным, экспертным или эмпирическим способом, и эти способы дают разную картину приоритетов, что обосновывает потребность в независимой научно обоснованной оценке даже при наличии готовых моделей профессии. Соотношение трёх уровней и способов их наполнения обобщено в таблице 1.

Таблица 1

Трёхуровневая рамочная модель профессионализма и способы её наполнения

Уровень	Психологическое содержание	Способ определения содержания	Способ оценки
Функциональное ядро	Специальные знания и умения, базовые когнитивные и сенсомоторные способности	Преимущественно нормативный (образовательные и профессиональные стандарты)	Аттестация, квалификационные испытания
Профессионально важные качества	Мотивационные, ценностные, личностные, когнитивные, социально-эмоциональные характеристики	Экспертный и эмпирический; нормативный — ограниченно	Психодиагностика, доказательная оценка связи с результатами
Компетенции	Демонстрируемое применение знаний и качеств при решении профессиональных задач	Нормативный (модели компетенций), экспертный	Внешнее наблюдение, оценка результативности

Составлено автором

Психологические особенности современной молодёжи как детерминанта требований к специалисту

Спецификация профессионально важных качеств специалиста невозможна без характеристики объекта его деятельности. Возрастные границы молодёжи социально обусловлены: в российском правовом поле они установлены в диапазоне 14–35 лет¹, что охватывает фактически целое поколение и обуславливает выраженную внутреннюю неоднородность группы.

Подростковый этап (14–17 лет), юность (примерно 19–25 лет) и ранняя взрослость (25–35 лет) различаются по доминирующим задачам развития, степени автономии и характеру социальных связей, что само по себе требует от специалиста дифференцированного подхода.

В литературе конкурируют два объяснительных подхода.

Первый акцентирует универсальные закономерности развития: завершение становления памяти к подростковому возрасту, линейный рост когнитивного контроля примерно до 22–23 лет, нелинейную динамику склонности к риску с пиком в подростковый период, изменения в структуре черт «большой пятёрки» с последующей стабилизацией. Концепция развития на протяжении жизни рассматривает возрастные различия не как дискретные стадии, а как непрерывный, многонаправленный процесс, зависящий от социокультурного контекста [12], — тезис, близкий к положениям культурно-исторического и деятельностного подходов отечественной психологии.

Второй подход — теория поколений — постулирует существование качественно различающихся когорт. Несмотря на популярность, в том числе в самой молодёжной среде, эмпирические работы последних лет систематически не подтверждают наличие чётких поколенческих различий и показывают более сглаженный характер влияния среды; ряд прежних выводов (например, о большем нарциссизме миллениалов) был опровергнут при детальном анализе данных [13; 14].

Это существенное противоречие: широко тиражируемая модель, на которую нередко опираются и при проектировании работы с молодёжью, обладает слабой доказательной базой.

Более продуктивным представляется эмпирический подход, фиксирующий типичные черты тех, кто относится к молодёжи в настоящее время. Кросс-национальные данные указывают на рост эмоционально-психологических нарушений, тревожности и дистресса, усиливаемых социально-экономическим неравенством [15], на разрыв между завышенными ожиданиями и реальными возможностями как фактор фрустрации [16], а также на ориентацию на статусное потребление [17].

Российские исследования дополняют эту картину: при выраженной доброжелательности и сохранении ценности семьи отмечаются тенденции к депрессивности и сниженной жизнестойкости, рост индивидуалистических и гедонистических ориентаций, высокая зависимость от цифровой среды и «клиповое» восприятие, запрос на социальный комфорт и патернализм при неготовности к упорному, долгосрочному труду [18; 19].

В совокупности современная российская молодёжь предстаёт как группа повышенной психологической уязвимости, существующая в гетерогенной цифровой среде и сочетающая гуманистические и гедонистические ценности. Эти особенности лишь частично учитываются в действующих моделях профессии и закладывают основу для пересмотра требований к профессионально важным качествам специалиста.

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», ст. 2.

Специфика профессиональной деятельности специалиста: сравнительный анализ нормативных моделей

Профессионализация работы с молодёжью в России связывается с началом вузовской подготовки по направлению «Организация работы с молодёжью» и последующим утверждением профессионального стандарта², зафиксировавшего сложившиеся представления о профессии. Поскольку, как показано выше, в отношении одной профессии могут сосуществовать различные модели, целесообразно поместить российскую модель в сравнительный контекст. В качестве референтных взяты общеевропейская модель компетенций, разработанная в рамках Европейской стратегии подготовки³, и британские национальные профессиональные стандарты работы с молодёжью.⁴

Сопоставление обнаруживает как общие черты (признание значимости новой медиасреды, фактическое игнорирование трудовой и экономической активности молодёжи), так и принципиальные расхождения. Европейская модель ориентирована на индивидуализированную социально-образовательную работу, где специалист выступает прежде всего фасилитатором развития конкретных молодых людей и нередко — представителем их интересов. Британская модель отличается многоуровневостью и охватывает спектр от непосредственной помощи до участия в разработке и оценке политики, включая компетенции, связанные со здоровьем, благополучием и самоменеджментом специалиста. Российская нормативная модель, полностью сформированная в логике государственного управления, концентрируется на организационно-бюрократических функциях реализации молодёжной политики; компетенции, связанные с представительством интересов молодёжи, межкультурным взаимодействием, заботой о себе и саморазвитием, в ней практически не акцентированы, а непосредственное психологически нагруженное взаимодействие с молодыми людьми не выделено как самостоятельный фокус (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика нормативных моделей профессии

Характеристика	Российская модель	Общеевропейская модель	Британская модель
Ведущая ориентация	Организационно-бюрократическая	Социально-образовательная	Многоуровневая
Доминирующая роль	Организатор, руководитель	Фасилитатор	Фасилитатор, проект-менеджер, лидер
Источник модели	Государство	Общество, наднациональные структуры	Государство, общество, муниципалитеты
Представительство интересов молодёжи	Не выражено	Выражено	Выражено
Самоменеджмент и забота о себе специалиста	Не выражено	Выражено	Выражено
Психологический фокус прямого взаимодействия	Ограниченно, косвенно	Выражено	Выражено

Составлено автором по результатам анализа нормативных источников

Существенно, что нормативная модель сама по себе не отвечает на вопрос о том, какие психологические особенности специалиста *достоверно* значимы для успешного достижения целей профессиональной деятельности — тем более с учётом специфики современного поколения.

² Профессиональный стандарт «Специалист по работе с молодёжью» (утв. приказом Минтруда России от 12.02.2020 № 59н). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020051> (дата обращения: 21.04.2026).

³ A Competence Model for Youth Workers to work internationally. Bonn: JUGEND für Europa, 2023. URL: <https://europeantrainingstrategy.eu/yocomo-competence-model/> (дата обращения: 21.04.2026).

⁴ Youth Work in England: policy, practice and the National Occupational Standards. NYA, 2025. URL: <https://nya.org.uk/> (дата обращения: 01.05.2026).

Дискуссия о том, насколько профессиональный стандарт отражает реальные потребности профессии, ведётся в академическом сообществе [20; 21]; характерно, что разные стейкхолдеры (будущие специалисты, преподаватели, работодатели) расходятся в оценке приоритетности гибких навыков [22], что подтверждает недостаточность пассивного принятия формальной модели специалиста.

Психологические условия формирования профессионально важных качеств: состояние исследований

В психологическом изучении профессии правомерно выделить три вопроса: какие психологические знания и компетенции необходимы для работы с молодёжью; какие психологические качества опосредуют компетентность специалиста; какие условия способствуют формированию этих качеств. В рамках принятой здесь рамочной модели профессионально важные качества трактуются как психологические черты, опосредующие преобразование профессионального потенциала (знаний и умений функционального ядра) в демонстрируемые компетенции. Мотивационные составляющие определяют объём и направление усилий: с позиций теории самодетерминации можно ожидать, что специалисты с близкой квалификацией, но разным типом мотивации будут по-разному проявлять компетенции на практике [23]. Ценностные профили задают направленность деятельности — например, выраженность просоциальных установок может склонять специалиста к роли защитника интересов молодых людей независимо от формальных предписаний. Социально-эмоциональный интеллект и отдельные черты личности (эмоциональная устойчивость, открытость опыту, экстраверсия) обоснованно рассматриваются как условия способности выстраивать продуктивные отношения с разными группами молодёжи [24].

Однако анализ литературы показывает, что вопрос о профессионально важных качествах специалиста обсуждается преимущественно в *нормативном* ключе: некоторый набор качеств, включая ценности и этические принципы, априорно включается в модель профессии (примером служат развёрнутые этические рамки работы с молодёжью, действующие в ряде стран⁵). В российских публикациях к числу значимых качеств относят аутентичность, открытость, гуманизм, наблюдательность, ответственность, профессиональную идентичность и деонтологическую культуру [25], однако изложение носит менее систематизированный характер. В обоих случаях упускается ключевой вопрос: какова инструментальная роль этих качеств — как и в какой мере они влияют на демонстрируемые компетенции и профессионально значимые результаты? Признание качества важным не может ограничиваться его нормативным постулированием и должно опираться на доказательный подход.

Доказательных работ крайне мало, и почти все они зарубежные. Австралийское исследование на выборке специалистов, работающих с проблемными группами молодёжи, установило умеренно отрицательную связь признаков выгорания и вторичного травматического стресса с удовлетворённостью состраданием и практиками заботы о себе, что позволяет рассматривать последние как пример научно обоснованных профессионально важных качеств [26]. Систематический обзор факторов качества отношений между персоналом и молодёжью выявил позитивную роль надёжности, честности, чуткости, способности устанавливать границы, эмпатии и умения слушать, однако охватывал разнородные категории специалистов [27]. Качественное исследование, проведённое в Гонконге, обосновало значимость ролевой гибкости, поддерживаемой любознательностью, искренностью, проницательностью и неавторитарным стилем общения [28].

⁵ A Framework for the inclusion of Ethics in youth work education and training. NSETS. URL: <https://www.youth.ie/> (дата обращения: 03.05.2026).

Что касается условий формирования качеств, релевантное исследование показало лишь ограниченную объяснительную силу изначально выделенных организационных факторов при статистически значимой роли рабочей самоофективности и чёткости профессиональной роли [29]; при этом первая относится к самим качествам, а вторая — к организационно-психологическим условиям. Отдельные работы указывают на возможное влияние соотношения числа специалистов и молодых людей на риск эмоционального истощения и на роль образовательных форматов развития гибких навыков, однако их точный вклад в формирование конкретных качеств остаётся неясным. Аналогичных доказательных исследований, выполненных на российских выборках, в доступной литературе обнаружить не удалось.

Противоречия, исследовательские дефициты и современные тенденции

Проведённое обобщение позволяет зафиксировать несколько устойчивых противоречий. Первое — противоречие между нормативным и доказательным подходами: профессионально важные качества преимущественно постулируются, а не выводятся из проверяемой связи с результатами деятельности. Второе — концептуально-терминологическое: отсутствие устойчивой границы между функциональным ядром, профессионально важными качествами и компетенциями затрудняет накопление сопоставимых данных. Третье — содержательное рассогласование между нормативной моделью профессии (особенно в её российском варианте, ориентированном на организационно-бюрократические функции) и реальными психологическими требованиями работы с уязвимым, цифровизированным и гетерогенным поколением. Четвёртое — между популярностью поколенческих объяснений и их слабой эмпирической обоснованностью, что создаёт риск проектирования профессиональной подготовки на ненадёжных основаниях.

Из этих противоречий вытекают исследовательские дефициты: недостаточная изученность инструментальной роли конкретных мотивационных, ценностных, личностных, когнитивных и социально-эмоциональных качеств; неполнота знаний о психологических условиях их формирования (образовательная и организационная среда, плотность профессиональных контактов, профессиональный нетворкинг, репутация профессии); почти полное отсутствие соответствующих эмпирических исследований в российском контексте, где модель профессии институционально специфична.

Современные тенденции одновременно обостряют проблему и указывают направления её разрешения. Цифровизация коммуникаций, рост психологической уязвимости молодёжи и усиление социокультурной гетерогенности повышают требования к социально-эмоциональным и регулятивным качествам специалиста. В методологии замечен сдвиг от априорного перечисления качеств к проверке их связей с демонстрируемыми компетенциями и к ресурсному пониманию профессионализма. Авторская аналитическая позиция состоит в том, что продуктивным является не выбор между нормативным, экспертным и эмпирическим способами определения профессионально важных качеств, а их согласование в рамках трёхуровневой модели, где нормативные требования служат отправной точкой, экспертные суждения — источником контекстуализации, а эмпирическая проверка — критерием признания качества именно профессионально важным. Логически из этого следует исследовательская программа: формулирование и проверка гипотез о связи отдельных качеств (например, открытости опыту — с установлением доверительных отношений, социально-эмоционального интеллекта — с межорганизационным взаимодействием) с конкретными компетенциями специалиста, ориентированными на массовый слой практиков, непосредственно работающих с молодыми людьми.

Заключение

Проведённый обзор позволяет сформулировать выводы по каждому из рассмотренных блоков.

В части подходов к профессионализму обоснована целесообразность различения функционального ядра, профессионально важных качеств и компетенций как трёх уровней, а также нормативного, экспертного и эмпирического способов их наполнения. В части соотношения конструктов показано, что центральная линия дискуссии касается не значимости психологических качеств, а их места в структуре профессионализма и критериев их признания профессионально важными. В части психологии молодёжи установлено, что современное поколение характеризуется повышенной уязвимостью, цифровой зависимостью и ценностной гетерогенностью при слабой доказательной базе поколенческих объяснений. В части нормативных моделей выявлены принципиальные расхождения российской, общеевропейской и британской трактовок профессии. В части психологических условий зафиксированы фрагментарность знаний и доминирование нормативного подхода над доказательным.

Цель статьи — реконструкция состояния знаний, выявление противоречий и формулирование авторской позиции — может считаться достигнутой: систематизированы подходы, эксплицированы четыре устойчивых противоречия и предложена согласующая трёхуровневая рамка. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой связей между конкретными профессионально важными качествами, психологическими условиями их формирования и демонстрируемыми компетенциями специалиста, прежде всего на российских выборках и с учётом поколенческой специфики. Практическая значимость заключается в возможности использовать предложенную рамку при доказательном уточнении профессионального стандарта, проектировании программ подготовки и сопровождения, а также при разработке психодиагностического инструментария отбора и развития специалистов по работе с молодёжью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружилов С. А. Концептуальная модель профессиональной деятельности как психологическая детерминанта профессионализма / С. А. Дружилов // Психологические исследования. — 2013. — Т. 6, № 29. — С. 4. — URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/693/377> (дата обращения: 05.05.2026).
2. Толочек В. А. Профессиональное становление субъекта: способности и профессионально важные качества, компетенции и компетентность / В. А. Толочек // Организационная психология и психология труда. — 2017. — Т. 2, № 2. — С. 3–30. — EDN: ZRDADP.
3. Saks M. Defining a profession: the role of knowledge and expertise / M. Saks // Professions and Professionalism. — 2012. — Vol. 2, no. 1. — P. 1–10. — DOI: 10.7577/pp.v2i1.151.
4. Cheetham G. Towards a holistic model of professional competence / G. Cheetham, G. Chivers // Journal of European Industrial Training. — 1996. — Vol. 20, no. 5. — P. 20–30. — DOI: 10.1108/03090599610119692.
5. Brooks R.A. What makes a military professional? Evaluating norm socialization in West Point cadets / R.A. Brooks, M.A. Robinson, H.A. Urban // Armed Forces & Society. — 2022. — Vol. 48, no. 4. — P. 803–827. — DOI: 10.1177/0095327X211000462.
6. Bossers A. Defining and developing professionalism / A. Bossers, J. Kernaghan, L. Hodgins [et al.] // Canadian Journal of Occupational Therapy. — 1999. — Vol. 66, no. 3. — P. 116–121. — DOI: 10.1177/000841749906600303.
7. McClelland D.C. Testing for competence rather than for "intelligence" / D.C. McClelland // American Psychologist. — 1973. — Vol. 28, no. 1. — P. 1–14. — DOI: 10.1037/h0034092.

8. Škrinjarić B. Competence-based approaches in organizational and individual context / B. Škrinjarić // Humanities and Social Sciences Communications. — 2022. — Vol. 9. — Article 28. — DOI: 10.1057/s41599-022-01047-1.
9. Sanchez J.I. What is (or should be) the difference between competency modeling and traditional job analysis? / J.I. Sanchez, E.L. Levine // Human Resource Management Review. — 2009. — Vol. 19, no. 2. — P. 53–63. — DOI: 10.1016/j.hrmr.2008.10.002.
10. Work and Occupational Psychology: Integrating Theory and Practice / ed. by R. Lewis, L. Zibarras. — London: Sage Publications, 2013. — 472 p.
11. Зотов В. В. Компетенции и профессионально важные качества: соотношение понятий и поле применимости в образовании, профессиональной сфере и государственной службе / В. В. Зотов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. — 2017. — Т. 3, № 2. — С. 28–33. — EDN: ZHSBYT.
12. Baltes P. B. Lifespan psychology: theory and application to intellectual functioning / P. B. Baltes, U. M. Staudinger, U. Lindenberger // Annual Review of Psychology. — 1999. — Vol. 50. — P. 471–507. — DOI: 10.1146/annurev.psych.50.1.471.
13. Costanza D.P. Are generations a useful concept? / D.P. Costanza, C.W. Rudolph, H. Zacher // Acta Psychologica. — 2023. — Vol. 241. — Article 104059. — DOI: 10.1016/j.actpsy.2023.104059.
14. Rudolph C.W. Generations and generational differences: debunking myths in organizational science and practice and paving new paths forward / C.W. Rudolph, R.S. Rauvola, D.P. Costanza, H. Zacher // Journal of Business and Psychology. — 2021. — Vol. 36, no. 6. — P. 945–967. — DOI: 10.1007/s10869-020-09715-2.
15. Elgar F.J. Socioeconomic differences and global trends in youth wellbeing and emotional distress in 165 countries and territories / F.J. Elgar, T.K. Pförtner, D. Rothwell // Health & Place. — 2024. — Vol. 89. — Article 103322. — DOI: 10.1016/j.healthplace.2024.103322.
16. Mohr M. The paradox of endless options and unrealistic expectations: understanding the impact on youth mental health / M. Mohr [et al.] // International Journal of Adolescence and Youth. — 2023. — Vol. 28, no. 1. — Article 2242475. — DOI: 10.1080/02673843.2023.2242475.
17. Barrera G.A. Personality traits influencing young adults' conspicuous consumption / G.A. Barrera, H.R. Ponce // International Journal of Consumer Studies. — 2021. — Vol. 45, no. 3. — P. 335–349. — DOI: 10.1111/ijcs.12626.
18. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15–33. — DOI: 10.7868/S0132162518030029.
19. Исаева О. М. Факторы психологического благополучия российской молодёжи / О. М. Исаева, А. Ю. Акимова, Е. Н. Волкова // Психологическая наука и образование. — 2022. — Т. 27, № 4. — С. 24–35. — DOI: 10.17759/pse.2022270403.
20. Харланова Е. М. Концептуализация подготовки организаторов работы с молодёжью / Е. М. Харланова, А. И. Платонов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2021. — № 1. — С. 210–227. — EDN: PYQKQS.
21. Омарова К. А. Актуальные вопросы профессиональной подготовки специалистов по работе с молодёжью / К. А. Омарова // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 12(158). — С. 116–124. — EDN: ZHGQWX.

22. Пономарёв А. В. Гибкие навыки у будущих специалистов по организации работы с молодёжью и технологии их развития / А. В. Пономарёв, О. В. Обухова // *Primo aspectu*. — 2023. — № 3. — С. 76–82. — EDN: KQWZJN.
23. Ryan R.M. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness / R.M. Ryan, E.L. Deci. — New York: The Guilford Press, 2017. — 756 p. — DOI: 10.1521/978.14625/28806.
24. Boyatzis R.E. Emotional and social intelligence and behavior / R.E. Boyatzis, J. Gaskin, H. Wei // *Handbook of Intelligence: Evolutionary Theory, Historical Perspective, and Current Concepts* / ed. by S. Goldstein, D. Princiotta, J. A. Naglieri. — Cham: Springer, 2015. — P. 243–262. — DOI: 10.1007/978-1-4939-1562-0_17.
25. Егорычев А. М. Деонтологические аспекты профессиональной подготовки специалистов по работе с молодёжью / А. М. Егорычев, А. В. Ивоева, А. С. Кретенин // *ЦИТИСЭ*. — 2020. — № 4. — С. 178–187. — DOI: 10.15350/2409-7616.2020.4.16.
26. Hallam K.T. Self-care agency and self-care practice in youth workers reduces burnout risk and improves compassion satisfaction / K.T. Hallam, D. Leigh, C. Davis [et al.] // *Drug and Alcohol Review*. — 2021. — Vol. 40, no. 5. — P. 847–855. — DOI: 10.1111/dar.13209.
27. Pinheiro M. Quality of relationships between residential staff and youth: a systematic review / M. Pinheiro, E. Magalhães, M.M. Calheiros, D. Macdonald // *Child and Adolescent Social Work Journal*. — 2024. — Vol. 41, no. 4. — P. 561–576. — DOI: 10.1007/s10560-022-00908-7.
28. Cheung J.C.S. The quintessence of relationship-based youth work and temperament of youth workers / J.C.S. Cheung // *Child & Youth Services*. — 2023. — Vol. 44, no. 4. — P. 435–453. — DOI: 10.1080/0145935X.2022.2114436.
29. Davidson L. Competency in establishing positive relationships with program youth: the impact of organization and youth worker characteristics / L. Davidson, W.P. Evans, L. Sicafuse // *Child & Youth Services*. — 2011. — Vol. 32, no. 4. — P. 336–354. — DOI: 10.1080/0145935X.2011.639244.
30. Сахарова Т. Н. Стратегии компетентностного развития специалистов по работе с молодёжью / Т. Н. Сахарова [и др.] // *Ярославский педагогический вестник*. — 2021. — № 2. — С. 26–32. — EDN: HRZJFL.
31. Башина О. Э. Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодёжи в условиях становления цифрового общества / О. Э. Башина, Е. С. Васютина, Л. В. Матраева // *Знание. Понимание. Умение*. — 2018. — № 3. — С. 152–165. — DOI: 10.17805/zpu.2018.3.13.
32. Shahr H.S.A. Professional socialization: an analytical definition / H.S.A. Shahr, S. Yazdani, L. Afshar // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. — 2019. — Vol. 12. — Article 17. — DOI: 10.18502/jmehm.v12i17.2058.

Karpov Denis Valerievich

Federal State University of Education, Moscow, Russia

E-mail: k-denis1998@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2955-5387>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1117680

Psychological support for the development of professionally important qualities of a youth work specialist: an analytical review of Russian and international approaches

Abstract. The article examines the principal models of professionalism that have developed in Russian and international labour psychology, as well as the relationship between the constructs of professionally important qualities, competences and competence, which remains a source of terminological uncertainty. An analysis is conducted of the normative occupational models codified in the Russian professional standard and in international competence frameworks; it is shown that they diverge fundamentally in their understanding of the essence of the specialist's activity and of the place psychological qualities occupy within it. An analysis is also made of the psychological characteristics of contemporary youth as a factor determining the requirements for the specialist, and of the psychological conditions for the formation of professionally important qualities. The review identifies persistent contradictions in the literature: the predominance of a normative over an evidence-based approach, a shortage of studies on the instrumental role of psychological qualities, insufficient attention to the generational specificity of youth, and an almost complete absence of relevant empirical work in the Russian context. Promising directions are identified, and a conclusion is drawn regarding the need for a three-level framework model and evidence-based study of these conditions.

Keywords: professionally important qualities; labour psychology; youth work specialist; professionalism; competence-based approach; psychological conditions; professional socialisation; youth; professional standard; evidence-based approach